

18+

АНА МЕЛИЯ

НАЛИВАЙ И ЧИТАЙ

Сборник
душевных
историй
и напитков

Наталья
Ремиш

Татьяна
Лазарева

Ксения
Безуглова

Марика
Кравцова

Нино
Катамадзе

Ана Мелия

**Наливай и читай. Сборник
душевных историй и напитков**

«Издательские решения»

Мелия А.

Наливай и читай. Сборник душевных историй и напитков /
А. Мелия — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517768-1

Эти истории, как травяной бальзам — стоит добавить их к чашечке ароматного чая, как они тут же согреют изнутри. В дни, когда душе особенно хочется тепла, приготовьте себе любимый напиток, устройтесь поудобнее в любимом кресле и по глоточку, смакуя, пейте эти истории. В книгу вошли трогательные рассказы и рецепты любимых напитков Татьяны Лазаревой, Натальи Ремиш, Ксении Безугловой, Нино Катамадзе, Марики Кравцовой, а также читателей. Словом, наливай и читай!

ISBN 978-5-00-517768-1

© Мелия А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Куркума латте	9
Бессрочно	10
Чай матча с соевым молоком	19
Один год	20
Томатный сок	24
А на Пасху обычно тепло...	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наливай и читай

Сборник душевных историй и напитков

Ана Мелия

*Эту книгу я хотела подарить своим родителям,
но не успела.*

*И хотя отчаянно больно осознавать,
что мама прочтет ее уже без папы,
меня греет одна мысль.*

*Там, наверху, самые
мягкие и взбитые облака достаются тем,
кого любят и помнят на земле.*

*Я верю, что у тебя, папочка,
лучшие места в зрительном зале.*

*И пусть эта книга, пропитанная
благодарностью и любовью,
будет тому доказательством.*

*Посвящается вам,
мои дорогие мама и папа!*

© Ана Мелия, 2020

ISBN 978-5-0051-7768-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

В центре Мюнхена есть улица Sendlingerstrasse.

Когда я приехала в Мюнхен впервые, подруга посоветовала мне отель рядом с больницей, в которой мне предстояла встреча с врачом.

Я приехала совершенно разбитая физически и морально. Шел третий год безуспешного лечения рака молочной железы. За спиной были десятки курсов химиотерапии, операция, облучение, разочарование в моем враче из России, недоверие к профессору из Израиля. А впереди – только густой и жуткий, как переваренная манная каша, страх.

Страх, что я скоро умру. Страх, что мои маленькие дети даже не запомнят меня. Страх боли и мучений, которые эта болезнь, увы, может причинить.

Каждый день, после того как заканчивались в клинике все медицинские дела, я шла по Sendlingerstrasse в сторону Marienplatz – главной площади Мюнхена. Я шла медленно, хромая из-за постоянной боли в суставе, который пострадал от химиотерапии. На груди у меня была огромная незаживающая рана. Агрессивная опухоль расползалась по телу, а я отчаянно пыталась заклеить рану лейкопластырем, да получалось плохо, то и дело на одежде появлялись пятна крови.

В России вариантов лечения больше не было, поэтому я и приехала в Мюнхен и поселилась в отеле возле больницы. Я ухватила за крошечную надежду, что профессор найдет выход, хотя умом понимала, что шансов практически нет.

Но когда я шла по Sendlingerstrasse среди сотен туристов, зевак и местных жителей, что прогуливались по магазинам, голова как-то сама по себе отключалась. Я смотрела на витрины, разглядывала красивые фасады зданий, роскошную Asamkirche, изысканную церковь XVIII века, и отпускала мысли на свободу.

Они сначала в растерянности толпились, боясь даже высунуться наружу, а потом, поняв, что я не начну снова прикрикивать: «Да о чем вы только думаете! Я тут умираю, понимаешь ли, а они тем временем глупостями занимаются и представляют себе, что живут здесь!» – выпрыгивали и неслись вперед.

Нет, серьезно, а каково тут жить? В городе с ратушами, прекрасными парками и озерами, дворцами и велосипедными дорожками. Выбегать с утра из дома, опаздывая на работу, и прыгать в трамвай. Садиться на велик и мчаться на изумрудного цвета Изар – местную реку, чьи истоки находятся где-то на вершине Альп. А вечером уютно устроиться на открытой террасе итальянского ресторана и пить Rose.

Мысли прыгали, как веселые дети, которые улизнули со скучного урока и теперь хотят взять от жизни все, и я им не мешала.

Потому что здесь, на улице Sendlingerstrasse, я каким-то тонким внутренним ощущением, имя которому я так и не могу придумать, понимала, что все происходящее со мной – это и есть мой путь. Это ощущение нельзя назвать надеждой – она-то как раз таяла на глазах. Не было

это и верой в ее привычном значении. Мы же обычно верим в безоговорочное выздоровление, так и пишем до последнего дня умирающему человеку: «Желаем тебе здоровья и скорее поправиться!» Нет, если честно, я, видя, на что способен рак, в тот момент в выздоровление не верила.

И все-таки ощущение, что мне суждено пройти все это, было абсолютно четким. Я не задавала вопросов, зачем и почему, понимала, что ответов мне пока не найти, но доверялась ему безоговорочно.

Ведь если принять всей душой тот факт, что все мы смертны и, сколько ни убегай от смерти, перехитрить ее вряд ли получится, – важными вдруг становятся совершенно неожиданные вещи.

Что вспомнят о тебе твои дети? Что ты всегда знала, как лучше, и теперь оставила их с ощущением, что сами по себе они ни на что не способны? Или что так верила в них, что, даже оказавшись без мамы, они всегда будут чувствовать в себе фундамент, который ты когда-то заложила?

Достаточно ли раз ты сказала мужу, какой он сильный и добрый, и что он обязан – да-да, обязан! – быть счастливым несмотря ни на что?

Знают ли твои родители, как сильно ты их любишь, или опять забыла позвонить им и сказать это?

Или вот еще: а что ты на самом деле любишь? Ведь если болезнь неумолима и времени осталось немного, на что бы ты их потратила с радостью? Что тебя радует и вдохновляет настоящего?

Вот такие вопросы крутились в моей голове, пока я доходила до Marienplatz, а потом разворачивалась и ковыляла с больной ногой назад, ведь сил на длительные прогулки в те дни у меня не было.

И мне все время казалось, что ответ затерялся где-то в детстве. Что с годами я его то ли забыла, то ли специально куда-то спрятала, чтобы не мешался. Я вспоминала себя в том возрасте, когда эмоции и впечатления еще были свободны от задач мозга стать лучше, эффективнее, успешнее. И вспомнила.

Я с книжкой. Читаю ее, и истории оживают в моей голове. Я плачу, переживаю, не могу заснуть. Истории проникают внутрь меня и остаются там жить.

А вот я рассказываю их подружкам. Добавляю от себя, конечно, что-то, допридумываю (так интереснее). И истории из меня переселяются в них.

Вот я слушаю. Рядом разговаривают взрослые, чьи-то судьбы проносятся перед глазами, и я проживаю их тоже.

Истории. Они были моим будильником, способным поднять меня ночью и снова придумывать, рисовать в голове сюжеты. Они были моей радостью: стоило только зацепиться за одну из них – и я знала, что сейчас будут новые эмоции, новые впечатления.

Так я поняла, что по-настоящему хочу именно этого: рассказывать истории. Но сначала мне предстояло рассказать самую главную из них – свою, полную отчаяния, боли и веры.

Когда я написала свою первую книгу «Стучитесь, открыто», это сработало внутри меня похлеще стоп-крана. Меня всю перетрясло, выдернуло из земного тела и, потрепав как следует, вернуло обратно. Я сожгла десятки слоев невидимой кожи, которую наращивала годами, чтобы она закрыла, защитила меня от внешнего мира.

Я вдруг поняла, что эта напускная защита только сдавливала меня, и, лишившись ее, я наконец-то задышала.

А потом я начала рассказывать другие истории. В каждой из них я видела надежду на лучшее и спасение от уныния. Мне хотелось, чтобы и другие это почувствовали, поэтому я стала писать рассказы.

И однажды одна из читательниц написала мне: «Как я жду вечера, чтобы налить себе чашку чая и прочитать новый рассказ!»

С этой фразы и началась моя работа над книгой. Я решила собрать истории в сборник и добавить к ним самые вкусные рецепты напитков. Сначала я собирала их среди моих читателей, а потом меня осенило, что будет интересно добавить также рецепты любимых напитков людей, которые саму меня вдохновляют и восхищают.

Поэтому на протяжении всей книги я буду с вами. Буду рассказывать истории знакомства, а вы обязательно готовьте себе что-то вкусное и усаживайтесь поудобнее. Будет интересно!

Начну (скромно) со своего любимого напитка.

Когда я сажусь писать, мне необходимо держать под рукой кружку с чем-то вкусным. Меня это заряжает. Сначала я пила кофе, но потом решила поискать ему замену. Мне нужен был горячий ароматный напиток с насыщенным вкусом. Чего я только не перепробовала, но однажды нашла рецепт этого напитка и поняла: это любовь.

Я с удовольствием делюсь им с вами и надеюсь, что вы будете его пить с таким же удовольствием.

Куркума латте

Я обожаю готовить его с кокосовым молоком, но взять, конечно, можно любое.

Итак, нам понадобится:

- 1 стакан молока
- 1 ст. л. куркумы
- $\frac{2}{3}$ ч. л. корицы
- $\frac{1}{3}$ ч. л. имбиря (свежего мелко нарезанного или сушеного)
- по щепотке мускатного ореха и черного перца

Все смешиваем, нагреваем, не доводя до кипения (можно в кастрюльке, можно сразу в капучинаторе). Взбиваем блендером или в капучинаторе, так как я лентяй, просто все делаю в капучинаторе (и кастрюлю мыть не надо). Добавляем ложечку меда.

И пьем маленькими глоточками!

А теперь – история!

Бессрочно

Это потом Кристина полюбила радио. Сидя в пустой ненавистной квартире, откуда уже вывезли всю мебель, кроме стола, кровати, пары стульев и радио, она слушала его, глядя в темноту за окном. Чужой голос из динамиков и незатейливые песенки, что в середине 90-х знала наизусть вся страна, не дали ей сойти с ума безнадежно длинными северными ночами. А за несколько лет до того удушающего одиночества вокруг было столько звуков, что до радио просто не было дела.

Кристина уже окончила школу, училась в меде и как раз вступила в ту волшебную пору, когда комплексам и глупостям в голове приходят на смену новые ощущения. По нынешним меркам ее внешность была бы не в тренде. Невысокого роста, с покатыми плечами, мягким животиком, округлыми, по-девичьи крепкими формами, сегодня она бы, наверное, бросилась в спортзал, убиваясь на кардио, чтобы сбросить пять лишних килограмм, но тогда... В комплекте с белокурыми локонами, что подпрыгивали каждый раз, когда Кристина хохотала (а хохотала она постоянно, веселый нрав и смешливость были тому причиной), и зелеными глазами, ей досталась совершенно магическая способность очаровывать окружающих. И она всю наслаждалась собой и жизнью, легкой, беззаботной и такой многообещающей.

Кристина еще не осознавала всю глубину своей женской притягательности, но уже всю кружила головы парням, что дежурили у ее подъезда. Она с удовольствием флиртowała, кокетничала, бегала на свидания и замуж не торопилась. Пока однажды друзья не потащили ее в гости.

Она в тот вечер вообще никуда не собиралась – зима на севере России особенно лютая, метели заносили подъезды так, что дверь невозможно было открыть, вызывали подмогу из коммунальных служб и раскапывали снежные заносы лопатами. Но вот за окном немного прояснилось, пурга, взбесившаяся с самого утра, будто устала и успокоилась, и Кристина, капризная скорее для галочки, дала себя уговорить. А когда зашли в чужую квартиру, на ходу стряхивая снежинки с меховых шапок и пряча мокрые варежки по карманам в надежде, что хоть в этот раз не потеряются, ее грудь сдавил ужас. А вдруг бы не пошла? И не увидела бы его? И не познакомилась? Как бы жила дальше?

Он сидел в душной прокуренной комнате, которую в связи с морозами проветривали редко, отчего дым перестал пугаться, что его выгонят, и по-хозяйски расположился повсюду. Вокруг пили и болтали незнакомые парни и девушки, а он играл на гитаре какую-то грустную песню, лишь изредка поднимая глаза и безразлично скользя взглядом по окружающим. По Кристине так же проехался, спокойно, ровно, и тут же вернулся к своим струнам, будто они были куда интереснее.

Кристине же этого взгляда было достаточно. Огромные синие глаза, густые ресницы, голос, что ломался где-то на границе чувственности и грубости, длинные пальцы, которые заставляли струны бежать вслед за песней. Она была счастлива, что щеки отмерзли на морозе и никто не обращает внимания на них, потому что они пылали, руки дрожали, голос вообще пропал. Она стояла неподвижнее пыльного шкафа, который здесь, как и в любой другой советской квартире, служил хранилищем хрустала.

К жизни ее вернул стакан вина – невыносимо гадкого, приторного, но такого живительного. Она пришла в себя и тут же пристала к друзьям – пусть их познакомят.

– Это Роман – кивнула в сторону парня с гитарой подруга. – Поет как бог! Сейчас услышишь!

– Уже слышу, – еле прошептала Кристина и протянула ему руку. – Кристина.

Парень медленно прошелся взглядом по ее телу и остановился, глядя прямо в глаза. Невозмутимо, даже равнодушно, но долго. Так долго, что Кристина уже и побледнела, и покраснела, но – похвалила себя! – держалась и глаз не отводила. За окном снова поднималась метель, то тут, то там раздавался смех, какие-то обрывки стихов и песен, кто-то пил, кто-то ел, почти все курили, и только они молча смотрели друг на друга.

И закрутилось – так быстро, что оба ничего не поняли. Днями разбегались на учебу и работу, вечерами встречались, ища убежища у бесконечных знакомых и друзей. Уже все было понятно, что все эти раскаты грома и молнии в чужих крошечных родительских спальнях, это все совсем другое, невозможное в прежних нелепых романах. Тут все серьезно, тут кровь закипает и есть риск сгореть заживо. Только тем и спасались, что до рассветов, которые на севере отбиваются не светом, а часами, тонули друг в друге и спасали друг друга.

А потом Рому забрали в армию. Она бы сошла с ума, если бы не мысль: «Он мой, и там будет моим, и, когда вернется, будет со мной, это главное». Поэтому два года пролетели незаметно. Она научилась отличать шаги почтальона, он придумал десятки милых прозвищ для нее. Письма мчались наперегонки по всей стране и помогали зачеркивать дни в календаре. Настал день, когда Рома вернулся и Кристина, что с обеда караулила на вокзале, выдохнула: «Ну наконец-то!»

К свадьбе уже все было готово. Пустующее кафе, соседки, что помогали готовить, неожиданно найденный среди друзей родителей тамада, бесчисленные подружки и друзья – молодые, веселые, без денег, зато громкие. Гуляли весело и шумно, с гитарами, танцами, традиционными сервизами и модным видеооператором, который после отдал их первую семейную кассету.

Следом сразу пошли другие: вот Кристина беременная и они впервые едут вместе на море. Вот родилась их дочка, такая же светлая и кучерявая, как мама. Вот дочка на утреннике читает стихи, не выговаривая «р», отчего папа смеется, а запись прыгает. Вот Кристина снова ждет ребенка – кругленькая, счастливая, в новой квартире, что уже успели отремонтировать и даже обставить. То, что в этом доме все счастливы, чувствовалось сразу при входе, еще на пороге. Тут всегда пахло чем-то вкусным: Кристина переписала все семейные рецепты в толстую тетрадь и теперь пошла по знакомым, обогащая свою кулинарную коллекцию. Она всегда была дома – на работу так и не вышла, а суровая зима и неприветливое лето Заполярья прямо-таки шептали: «Да куда идти-то? Сиди дома, жди мужа, придет – порадует». Муж приходил, ему навстречу выбегали девочки – две крошки и жена, которая уже еле помещалась в его объятиях. Кулинарные эксперименты обернулись парой десятков лишних килограммов, но худеть совсем не хотелось. Ведь рядом он, а больше ничего и не надо.

На лето решили вывезти детей к бабушке, в среднюю полосу, там все-таки солнце, тепло и витамины. Неработающая Кристина поехала с ними, мужа оставлять не хотелось, но мама с такими крошками одна бы не справилась. Так и осталась на все летние месяцы, по традиции загоняя почтальонов с письмами, полными их фирменным семейным юмором и признаниями

в любви. Уже были куплены билеты назад, и закручены банки с вареньем, которые она планировала увезти с собой, когда пришло еще одно письмо. Кристина даже удивилась – успело же, а ведь задержись на пару дней в пути, так и лежало бы в одиночестве.

Привычно и аккуратно вскрыла конверт, достала лист, исписанный почерком, в котором она знала каждую букву, чуть удивилась, что уж очень оно короткое, и начала читать. И только когда на крик прибежала мама и от страха со всей силы тряхнула ее за плечи, пришла в себя. Рома написал ей, что приехать она должна одна, без детей, потому что он от нее уходит к другой и им надо продать квартиру.

Пришла в себя и бросилась заказывать межгород. Как выждала эти гудки – не знает, будто и не было их, а может, и правда он сразу взял трубку.

Голосом бесцветным, будто выстиранным с хлоркой, он сказал:

– Давай только без истерик. Возьми себя в руки. Я тебя больше не люблю и жить с тобой не буду. Приедешь, продадим квартиру и разбежимся.

Кристина с испугом подумала, что стена, на которую она облокотилась, падает, но нет, стена на месте, это она сама летит в пропасть.

– Рома, ну как же, у нас же дочки, они же тебя так любят? – всхлипывая, силой зажимая себе рот, чтобы не разрыдаться, застонала в трубку.

– Ничего, привыкнут, они еще маленькие и ничего не понимают. И не дави на жалость, я не вернусь, и унижений твоих мне не надо. – И повесил трубку.

Как собиралась – не помнит, детские билеты ее мама, всегда такая шумная и громкая, а тут серьезная и молчаливая, сдала. Вообще мир вокруг вдруг стал как-то тише. Если дети начинали плакать, кто-то из родственников их тут же уводил в другую комнату, шепча на ходу, что надо быть потише. Не работал телевизор, не сплетничали ее тетки, не бесились соседские дети, что бегали по общему двору. Тишина эта была такая осязаемая, что Кристина, сама того не желая, громко и отчетливо слышала каждую свою мысль: «Не нужна ему, не любит больше, я осталась одна», «Он ушел к другой, он с ней спал, он ее любит, а меня нет», «Все кончилось, не будет больше его губ и рук, и глаз, и ночей, ничего, ничего больше не будет» – будто кричала она сама себе во весь голос. И заткнуть себя было невозможно. Тишина была вокруг, но не внутри нее.

Спустя двое суток дороги в трясушемся, уставшем от пьяных пассажиров поезде доехала до места назначения. Дальше поезд не шел, дальше была только тундра, но будь у нее хоть малейшая возможность не сходить на нужной станции, а уехать туда, в безмолвие севера, она бы так и сделала. Но вместо этого взяла чемодан и поплелась на автобус, который привез ее прямо к дому, в котором она была так счастлива несколько лет вплоть до этого страшного августа, который никак не хотел заканчиваться.

Кристина втайне от всех уже сто раз проиграла в голове сцену встречи с Ромой, в которой он хватает ее в охапку и хохочет: «Неужели поверила? Нет, ты что, серьезно во все это поверила?» Но прямо перед выездом был еще один звонок, на этот раз от близкой подруги, которая дрожащим от волнения голосом рассказала, что Рома позвонил ей и попросил быть на всех встречах во избежание проблем. Какие проблемы могут быть между ними, Кристина так и не поняла, но это условие никак не вписывалось в придуманный сюжет, и от этого ей

было особенно страшно. Поэтому, когда она зашла в квартиру и увидела там подругу, тут же бессильно опустилась на тумбочку у двери.

Подруга заплакала, запричитала:

– Как же так, у вас же дети!

Но Кристина за последние несколько дней выплакала столько слез, что, казалось, высохла. Лицо ее, всегда такое светлое и жизнерадостное, застыло картонной маской, на которой живыми были только глаза, да и те были наполнены такой болью, что потемнели и выглядели чужими.

– Говорят, у нее трое детей, и все от разных мужиков, – шептала подруга, словно боялась, что Роман стоит за дверью и все слушает. – И что старше его лет на десять, не меньше. И что приворожила, ее видели в начале лета ночью одну на дороге, точно приворот делала.

Кристина слушала молча, но каждое слово вбивалось засечкой в бешено колотящееся сердце.

– И когда он мне звонил, я его голос совсем не узнала, такой чужой, ну вот точно приворожила мужика! – подруга пыталась ее приобнять, отогреть, что ли, но чужие прикосновения вызывали лишь тупое, озлобленное раздражение.

Только успели пройтись по квартире и отметить, что вещей Ромы действительно нет, как входная дверь открылась.

Это был он. Но не такой, каким она его хорошо знала и помнила, а словно и правда другой человек. В глаза не смотрел, говорил в пол, слова звучали жестко и цепко, будто и не говорил вовсе, а хлестал ее плетями. Кристина беспомощно посмотрела на подругу, мол, может, ты нас оставишь, а я все-таки попробую, но Роман, казалось, не только взгляд ее перехватил, но и мысли.

– Давай без этого, ладно? Я уже давно тебя не люблю, терпел ради детей, но надоело все. Ты вообще себя в зеркало видела, на кого ты стала похожа? И вечное твое нытье надоело, и то, что на кухне целыми днями крутишься, тоже надоело. Живи дальше как хочешь, главное, мне не мешай, ладно? С детьми помогать буду, алименты платить, но большего не жди, ясно?

Подруга испуганно смотрела на Кристину, но она молчала, хотя в этом молчании было больше сумбура и боли, чем в истерике. Ситуация и впрямь была нелепая: что можно сказать человеку, который был единственным смыслом ее вселенной, и даже сейчас, зная наперед всю безнадежность своего положения, она готова была броситься ему в ноги и умолять не уходить?

Не бросилась. Не кричала, срывая голос и задыхаясь от слез. Молчала, будто душа ее была не в этой квартире, где даже летние месяцы спустя все еще пахло чем-то ароматным, будто только что запеченным в духовке. Еле слышно подтвердила, что на продажу квартиры готова, и даже не посмотрела вслед, когда он уходил.

Пока утрясали дела, рядом были подруги, утешали, подбадривали, вечерами пили и допоздна разговаривали.

Одну старались не оставлять, но как-то во время короткой встречи Рома бросил будто невзначай:

– Думаешь, они хорошие подруги тебе? Да они все в твоей же постели и побывали, пока ты по отпускам каталась.

Кристина ему не поверила, ей показалось, что это все для ее же блага, мол, чтобы скорее забыла и не питала иллюзий. Такое вот странное благородство. Но в один из вечеров не выдержала и спросила подругу, было ли такое. И по ее растерянному виду и бессвязному, невнятному ответу, вдруг поняла, что бывший муж говорил правду.

– Пошла вон, – отрезала Кристина, и больше ни одной подруге дверь не открыла.

Лишь та, что была на их встрече, разузнав, в чем дело, пришла и стояла под дверью до тех пор, пока уставшая от непрерывных звонков Кристина непустила ее в квартиру.

– Не знаю, что он тебе наговорил, но я лично могу поклясться тебе детьми, что тебя не предавала и с ним не была, – строго, твердо сказала подруга и осталась до самой ночи – и так вплоть до ее отъезда. Но, провожая подругу каждый раз, больше всего на свете желая уснуть, Кристина глаз сомкнуть все равно не могла.

Поэтому включала радио. В спящем маленьком городе, занесенном снегами, казалось, не спали только она и этот голос из динамиков, что читал письма и передавал приветы. Она чувствовала его физически, каждый вздох, выдох, смех, запинания – будто рядом сидел близкий друг и разговаривал с ней. И только благодаря ему она научилась переживать эти ночи: голос отчитывал время, ставил песни, и незаметно самая тяжелая пора одиночества сменялась днем, полным хлопот, где уже не было времени уходить в себя.

Квартиру продали, вещи тоже, больше в этом городе не осталось ничего, что держало бы Кристину. Кроме бывшего мужа, но за недели изматывающих неприятных дел он действительно стал для нее чужим. Любила она своего прежнего Рому, а этот новый был настолько непредсказуем и жесток, что пришлось их в своей голове разделить. По своему Роме она все еще скучала и плакала, а вот от нового хотела поскорее уехать, чтобы больше не вглядываться при встрече – осталось ли в нем хоть немного от ее мужа или нет.

Домой ехала на том же поезде, под те же крики уже успевших прилично набраться пассажиров, глядела в окно, покрытое мутным слоем льда, и думала, что больше никогда в эти края не вернется. Ошибалась.

Жить стали с ее родителями, к счастью, трехкомнатная квартира позволяла. Дети пошли в сад, Кристина устроилась в магазин украшений, продавала она легко, клиенты к ней тянулись, и начальство, благодаря этому, закрывало глаза на постоянные больничные и отгулы. Детки болели по очереди: то ли смена климата сказалась, то ли тоже переживали, по-своему, по-детски.

Есть Кристина не могла и не хотела, поэтому на ней разом растаяли лишние килограммы. Она вернулась в свою прежнюю форму и снова выглядела как двадцатилетняя девушка, с той лишь разницей, что неуловимая грусть вплелась в ее волосы, застыла на ресницах, впечаталась в морщинки у глаз. Мужчины тут же стали звать симпатичную продавщицу на кофе, она даже с кем-то ходила, но ощущение, что способность кого-то полюбить была утрачена безвозвратно, через полгода превратилось в уверенность.

Внешне она давно пришла в себя. Ходила на концерты, свидания, выкраивала из крошечной зарплаты деньги на наряды, обожала своих девочек и возилась с ними каждую свободную минуту. Прошел год, потом другой, жизнь взяла свое: кто-то из поклонников оказался слишком упертым, и крепость пала. Она научилась отключаться, глушить боль воспоминаний новыми эмоциями – да, не такими, как прежде, но разве она вообще хочет как прежде? Разве готова она еще раз пережить эту сумасшедшую любовь и то, что после нее остается, – ожог всего тела и души? Кристина сама не знала ответа, но это было и неважно – ни один из мужчин не вызывал в ней подобных чувств.

Прошло еще пару лет, на тот момент у нее был постоянный мужчина, который помогал с деньгами и детьми, и, убеждала она себя, это был лучший вариант из возможных. Они вместе отмечали праздники, ездили в гости – почти семья, почти муж и жена, только в этом «почти» она прятала то, в чем даже самой себе боялась признаться.

Она любила Рому. Боль утихла – при правильном подборе обезболивающих с ней можно было ужитья, но любовь – она не лечится. Память замахнулась на автономию и без какого-либо согласия подкидывала картинки из прошлой жизни. Кристина уворачивалась изо всех сил, но ночами, когда все спали, прокрадывалась на кухню, заваривала чай и тихо включала радио. Голос из динамиков все так же читал чужие сообщения, но она их не слушала. Она снова оказывалась там, в их квартире, в теплой постели, откуда выбираться было настоящим мучением, она слышала его голос и смотрела в его голубые глаза. И все, что было у нее сейчас, переставало существовать. Махни ей, мол, бросай все, беги сюда, она тут же бросилась бы, не думая...

Встречать Новый год решили у родственников. Собрались большой семьей, Кристина пригласила своего мужчину, подростки скакали вокруг елки в ожидании подарков, а кто-то из многочисленной родни в шутку сказал:

– Теперь загадываем желания!

Все расселись за столом и стали писать на маленьких клочках бумаги самое сокровенное, и только двоюродный брат бегал с камерой и снимал «для истории». Все написали, сожгли, бросили в кислое шампанское, одним махом выпили. Кристина обожгла пальцы и поперхнулась первым же глотком, но допила до дна.

Потом были танцы, песни за столом, под утро все расплзлись по комнатам, чтобы ближе к обеду снова стянуться к праздничному столу и снова есть и пить, правда, на этот раз медленно и ленно, словно в замедленном режиме съемки. Тут же смотрели вчерашние записи, все ждали момента, когда один из родственников полез на стул говорить тост и рухнул на пол, прихватив с собой миску с оливье. Кристина вышла из комнаты, а когда зашла, удивилась, как-то тихо стало и все смотрят на нее. Мужчина ее встал и вышел покурить, а тетки тут же рассказали, что, когда на экране показалась Кристина, пишущая свое желание, брат поставил на паузу и приблизил, да так отчетливо, что все сразу прочли: «Я хочу, чтобы Рома вернулся ко мне».

Кристина промолчала, допив что-то налитое в стакан, и тоже вышла. Не за мужчиной, на него она даже не взглянула. Вышла пройтись и побыть одной. Потому что все это было ненастоящим, и сейчас было настолько же заметно, как и написанное ею желание на стоп-кадре.

Ее мама, переживающая все эти годы за дочку, тоже отошла от пьяного стола. Пошла к телефону и стала кому-то звонить. А спустя пару дней сказала Кристине:

– Собирайтесь. Я купила билеты. Едем к Роману, пусть дети папу повидают.

Крестину затрясло так, что еще долго не отпускало. Она кидала какие-то вещи в чемоданы, потом доставала их и снова складывала обратно. Голова не работала, руки немели, одна мысль, что она увидит Рому, доводила ее до полного безумия. Она металась по квартире, еле стояла с чемоданом на перроне, поручив маме смотреть за девочками, не находила себе места в плацкартном вагоне. Ходила в тамбур, подолгу стояла и курила, но сердце все равно не слушалось и успокаиваться не собиралось – прямо-таки выбивалось наружу.

От мамы она знала, что та изредка созванивалась с бывшей свекровью, которая хоть по внучкам и скучала, но сына изо всех сил выгораживала и прикрывала. Про Рому говорила редко и с явным нежеланием. Но все же, уже по прошествии пары лет после их развода, рассказала, что он почти сразу ушел от той женщины и переехал к матери. Там и жил, работал, помогал по дому, был особенно немногословен, поэтому узнать, что творилось в его душе, мама так и не смогла.

Весь этот план был похож на детскую поделку, что наскоро склеена тем дурацким ПВА, который вообще непонятно что в состоянии склеить. Казалось, дунешь или тронешь, тут же развалится. Но, как и полагается детским самоделкам, этот план выглядел нелепым до умиления и вызывал у окружающих одно желание – как-то сохранить, сберечь его.

Поэтому ехали в поезде почти не разговаривая. Свекровь по телефону тоже отмалчивалась – ничего не спрашивала, о текущей атмосфере в доме не говорила. Ехали в неизвестность, но переживаний было настолько много, что неизвестность эта вполне себе устраивала.

Дом свекрови стоял на краю деревушки в тех же северных краях, из которых бежала Кристина в надежде никогда больше не возвращаться. А теперь – с еще большей надеждой – ехала обратно.

Уже завидев в окно одинокое здание вокзала, Кристина почувствовала себя совсем плохо. Голова гудела, почему-то тошнило, от выкуренных сигарет пересохло горло. И снова она нащупала спасительную мысль: «Быть может, пока не поздно, поехать назад?» Или вперед, неважно, лишь бы подальше отсюда, из этих мест? Но дети, которые во всем видели волнующие приключения, привели маму в чувство:

– Ой, здорово, приехали уже! Мамочка, давай быстрее, что ты стоишь? Там же папа ждет, мы так долго его не видели!

Эта детская беззаботность выплескивалась из них фонтаном, и скоро Кристина промокла в ней насквозь – чего она и вправду трясется? Столько лет прошло, повидаются, поговорят, хоть дети с ним пообщаются. Конечно все, это же ясно, и эта встреча нужна ей, чтобы окончательно во всем разобраться и убедиться. Она посмотрит на него, поймет, что все ушло безвозвратно, и наконец отделается от своих навязчивых видений. Если рубить – то так, топором, без надежды на воскрешение.

Он уже стоял на перроне. Встречающих было мало, остановка всего две минуты и особой популярностью, видимо, не пользовалась, но даже если бы там сегодня был митинг, и тысячи людей толпились на привокзальной площади, и вырубали свет в одиноких фонарях – Кристина бы все равно узнала его. Все так же подтянут и тонок, все в том же пальто, что покупали

ему, откладывая с зарплаты деньги. меховая шапка по-прежнему чудом держится на голове: он носил ее как бы нехотя, не заморачиваясь, что отмерзнут уши, почти на макушке, и – ну чудо же! – она никогда не падала, даже когда он нагибался в ней, чтобы помочь ей, беременной, расстегнуть упрямую молнию на зимних сапогах.

И Рома тоже сразу узнал ее. Увидел в окне вагона и глаз больше не сводил. Пока по очереди схватил в охапку детей и, успевая подкинуть в воздухе и расцеловать, спустил их на перрон. Пока помогал спускаться растерявшейся маме, что нервно смеялась, выдавая тем самым колоссальное напряжение. Пока вытаскивал чемоданы. И пока, наконец, не подал ей руку – все это время смотрел, смотрел, пристально смотрел. А только встретился с ней взглядом, как тут же отвел глаза – и больше не смел их поднимать.

В скромно обставленном, но щедро натопленном доме свекровь уже накрыла стол. Достала все соленья и закуски с погреба, разлила по рюмкам настойку, раздала детям конфеты и сладости. Сели обедать, говорили о разном, но, по сути, ни о чем. Он молча пил и ел, обнимал детей, держал их за руки, катал на спине, утыкался лицом в кудрявые волосы – а на нее не смотрел. Она тоже приняла эти правила: расспрашивала свекровь про жизнь на севере, и кого из общих знакомых уже похоронили, и как сейчас трудно дом продать, чтобы ближе к югу перебраться. Друг на друга не смотрели.

Настроение у всех вдруг стало радостным, легким, все будто выдохнули: ничего страшного не случилось, все живы-здоровы, а остальное не страшно. Замешкались, только когда пришла пора стелить постель, да и то ненадолго. «Можно мне с детьми постелить?» – попросила громко Кристина, и свекровь выдохнула, не пришлось самой задавать этот вопрос.

Обратно уезжали через три дня, Кристине и ее маме надо было выходить на работу, и так еле выбили отгулы. Время пронеслось так быстро, что глазом моргнуть не успели, а уже пора опять паковать вещи. Никакой ясности в душе Кристины не появилось – вопреки ожиданиям ни злости, ни равнодушия, ни злорадства она не испытывала. Была только огромная жалость к нему, к ней, к ним двоим, к детям. Что они несчастливы и одиноки и как стать счастливыми уже не знают. Они так и не поговорили ни разу, стоило им оказаться наедине (а уж мама и свекровь всю старались), как сама возможность говорить казалась нелепой. Как можно уместить в слова все эти годы безнадежной тоски, и тысячи ночей у радио, и ненавистную свадебную пленку, всю пропитанную насквозь любовью, которая позже обернулась таким предательством. И как можно уместить туда вину за ее слезы, за то, что дочки свои первые важные годы провели без папы, и ненависть к самому себе, такому эгоистичному, глупому, наглому, слепому? Не было в мире таких слов, не придумали их еще, чтобы описать эту робкую, крошечную надежду, что вдруг, вопреки всему, они все-таки попробуют... хотя бы поговорить...

В день отъезда никто уже не стеснялся и не скромничал. Свекровь плакала с утра, вытирая мокрые щеки о пушистые вязаные кофты внучек. Теща молчала, выразительно глядя то на дочь, то на бывшего зятя. Сами они, не зная, что делать, договорились выйти погулять с детьми. Дети же, только увидев, сколько снега выпало за ночь, понеслись в сугробы, напрочь игнорируя крики родителей: «Как же вы, мокрые, в поезде поедете?!» Они шли по узкой тропинке вдоль сугробов, протапывая ее так тщательно, будто это было делом всей их жизни. А когда тропинка уперлась в накатанную дорогу, по которой идти они уже не собирались, наконец остановились. Рома поднял глаза и, как тогда, много лет назад, посмотрел на нее, долго, мучительно долго. Кристина взгляд не отводила, пытаясь прочесть, что там скрывается

за этими синими глазами? Какие сейчас мысли в его голове? Он же молча обнял ее и, почувствовав, что она не сопротивляется, притянул к себе и поцеловал.

Что это было – весь этот отрезок времени, начиная с того августовского письма и заканчивая этим январским поцелуем, – они оба так и не поняли. Как будто вышли из комы и бросились наводить в своей жизни порядок. Она уехала с детьми обратно к маме, а он остался, чтобы уладить какие-то дела, и уже через месяц приехал к ним.

Они стали жить как раньше: подолгу закрываясь от всех в своей комнате, пересматривая любимые фильмы, воспитывая детей. Их девочки выросли в настоящих красавиц, таких, что папа каждый раз с замиранием сердца знакомился с новым поклонником – неужели ему суждено увести его дочку?

У них впереди было еще много всего, радостного и грустного, как и в любой другой семье, но даже десять, и двадцать лет спустя они смотрели друг на друга все так же – долго, не сводя глаз. И неважно, сколько им было на тот момент лет. Потому что любовь не просит предъявить паспорт, она просто ставит бессрочную визу, и это, видимо, как раз тот случай.

Следующим рецептом со мной поделилась Татьяна Лазарева. Прекрасная актриса, телеведущая, певица, автор канала на Ютубе, невероятно обаятельная и харизматичная. К ней я обратилась, когда работала над книгой для детей «Тотон из Одинсбурга» – антиутопией для детей и подростков о принятии особенных деток. Я мечтала разместить на обложке отзывы людей, чьи добрые дела и отношение к детям будут говорить за них. Тогда я написала Тане Лазаревой, члену попечительского совета благотворительного фонда «Созидание», и Катерине Гордеевой, пожалуй, самой главной российской журналистке, попечителю благотворительных фондов «Подари жизнь» и «МойМио».

И они мне ответили. Чтобы вы понимали масштаб широты их души, поясню: мало кому известный автор постучался им в соцсети с просьбой прочитать детскую книгу в электронном виде (она тогда еще готовилась к печати) и дать на нее отзыв. Очень занятым женщинам, которые ведут кучу проектов, воспитывают детей и практически не имеют свободного времени. А тут – прочтите, пожалуйста, детскую книгу в электронном виде.

Но они согласились. А с Татьяной мы вообще стали с тех пор переписываться, и она поддерживала меня в трудный период, когда я неделями лежала в больнице. И это тепло к человеку, которого ты никогда не видел, готовность помочь, слова поддержки – это для меня очень ценно.

Поэтому я с особой гордостью делюсь с вами рецептом любимого напитка Татьяны Лазаревой. Уверена, вам тоже он понравится (к тому же еще и очень полезный)!

Чай матча с соевым молоком

Нам понадобится:

- 1 ч. л. чая матча
- 1 ч. л. сахара или любимого сахарозаменителя
- 1 стакан соевого молока (хотите заменить другим – без проблем, экспериментируйте!)

Сначала размешать чайную пудру с сахаром, добавить чайную ложку молока и растереть до густой массы. Если есть специальный бамбуковый венчик – хорошо, но можно и просто ложкой, главное, чтобы не было комочков. Молоко разогреть, если есть капучинатор – сделать пену и залить в приготовленную массу.

Напиток готов! Наслаждайтесь бодрящим напитком и да пребудет с вами сила!

Один год

Лена стояла у окна и как будто что-то разглядывала, хотя что там было видно, в этой темноте осенней ночи – только отражение ее лица, да и то условное. Пятна глаз, штрих носа и тень губ. В палате было жарко, но Лена куталась в теплый махровый халат, надетый поверх ночнушки.

– Обычно люди знают, в какой момент их жизнь сломалась. Есть отправная точка, после которой все идет наперекосяк. Но не у меня. Я будто неслась куда-то вниз с самого рождения. Точнее, это даже началось еще до этого, когда мама только была беременная мною. Отец работал на заводе и каждый день возвращался домой коротким путем, через железнодорожные пути. Все так шли, через мост далеко было, вот и срезали. Но что странно – никто даже не видел, как он попал под поезд. Ни одного свидетеля среди бела дня, можешь в такое поверить? Мама говорит, к нам пришли поздно, она уже заволноваться успела. Открыла дверь – а там незнакомые люди. Его мужики с работы только с похоронами помогали, но при этом ни слова лишнего не сказали. Хотя, может, мама и не спрашивала. У нее брат мой маленький на руках был, я в животе, рядом никого, наверное, тогда было не так уж и важно, как это могло случиться. Она рассказывала, что выжила только благодаря брату. Он же совсем маленький был, два годика, с таким малышом даже не сляжешь толком, не даст ведь покою. Вовка ее и заводил, как игрушку, знаешь, такие были в нашем детстве, с ключиком.

А потом я родилась. И совсем времени на себя и свое горе не осталось. Брат в саду, я в яслях, мама на работе. Родители у нее деревенские, жили далеко, она с папой познакомилась в отпуске, это был курортный роман в каком-то советском санатории. Потом полгода письма друг другу писали. А как папе комнату в общежитии дали, так он маме по телеграмме предложение и сделал. Она приехала, только распаковалась, как забеременела. Потом еще раз. А потом...

Какие-то мужчины у мамы были, ухаживали за ней. Но она будто так и не поверила, что еще может быть счастлива, что-то перегорело в ней. Она редко улыбалась, мало разговаривала, не любила телевизор. Помню, прихожу в детстве домой с гостей: у подружки полный дом людей, семья большая, все шумят, галдят, весело – а у нас такая тишина, что даже дышать страшно. Я на цыпочках пробираюсь на кухню, ставлю чайник, а сама аж уши затыкаю – мне все кажется, что он так громко кипит! Маму боялась потревожить. Она же думала только о нас. Сколько себя помню – я всегда была хорошо одета, брат ходил на все кружки в округе, даже на море ездили. Как она выкручивалась, ума не дам, перестройка же как раз началась, времена и для семейных тяжелые наступили, а тут мать-одиночка, да еще и бухгалтер в обычном магазине.

Брат Вовка в школе учился хорошо, учителя маму всегда при встрече хвалили, мол, не такой, как остальные балбесы, умный, рассудительный. Наверное, поэтому она так долго ничего не замечала. Он в олимпиадах участвовал, на какие-то факультативы ходил, поэтому, когда совсем дома перестал появляться, она ничего не заподозрила. А однажды ей на работе плохо стало и она отпросилась домой. Пришла, а там он с другом. Сначала даже ничего не поняла, подумала, что он тоже себя плохо чувствует, уже бросилась в скорую звонить, а потом шприц увидела.

Первое время, наверное, год или два, мы боролись. Все верили, что победим, даже Вовка. Сколько было слез, обещаний, извинений. Он сам страдал, было видно, что хочет завязать – да вот только не может. Бывало, даже месяц держался, бегал по институтам, готовился к экзаменам, на улицу лишней раз не выходил, чтобы дружков своих не встречать. И мы верили, потому что такая надежда в нем горела! А потом исчезал на день, другой, третий, неделю, и все по новой. Слезы, клятвы, ломка, затишье. До следующей бури.

К тому моменту он уже распродал все свои вещи и взялся за мамины. Мы однажды домой приходим – телевизора нет. Мама вздохнула и сделала вид, будто ничего не произошло, а я плакала всю ночь в подушку. Я сериалы смотрела, помнишь, «Тропиканка», «Дикий ангел», это были мои законные пара часов другой жизни, той, о которой я могла только мечтать и которой у меня никогда не было. А он и это забрал.

Мы меняли замки, дежурили по очереди, не пускали его в дом. Вот тогда-то мама и сдала. Как-то в один год осела, разболелась, постарела. Я училась в техноложке, ночами не спала, зубрила, днем за мамой ухаживала и на пары бегала, больше ни на что ни сил, ни времени не было. Девчонки наряжались, у них были дискотеки и мальчишки, бурная личная жизнь, а я к тому моменту даже не целовалась еще ни разу.

Да и не хотелось, если честно. Я насмотрелась на брата и его дружков, меня вообще от мужчин тошнить стало. Мне казалось, что все такие – животные, без чувств, без души, не тыл и защита, а сплошная угроза. Когда окончила универ, так и осталась нетронутой.

Времена были тяжелые, молодой химик никому не был нужен, я переучилась на экономиста, параллельно подрабатывая где придется. Потом, уже с дипломом, устроилась на приличную работу, там за мной начали мужчины ухаживать, с одним даже роман был, правда недолгий. Я как-то дома одна была, пришел брат денег просить. Глаза стеклянные, весь агрессивный, руками машет. Я зачем-то дверь приоткрыла, он ее выбил, стал кричать на меня. Я в ответ тоже что-то крикнула, мол, денег не дам, убирайся, а дальше ничего не помню. Он, оказывается, с ножом на меня бросился, ударил в плечо, и я сознание потеряла. Спасла соседка, не побоялась, прибежала на наши крики. Успела скорую вызвать, а он сбежал.

Заявление я так и не написала. Жалко стало, но не его, а маму. Было ясно, что в тюрьме он долго не протянет, на него уже смотреть было страшно, одна кожа да кости. И не смогла я решить его судьбу – подумала, если уж суждено ему умереть, пусть хотя бы не добивать маму этими судами и передачками. Да и он сам надолго пропал после этого.

Мама все болела, я ухаживала за ней, летом мы на даче возились, зимой вечерами дома сидели. Вот так и пронеслись годы. Меня сейчас спроси, хочу ли я вернуться в свою молодость, так я умолять буду – ни за что, ни при каких обстоятельствах. Хотя тогда еще была какая-то надежда, что вдруг однажды моя жизнь изменится, ну вот как в кино, каким-то чудесным образом. Но потом, с годами, на место этой надежды пришло мрачное осознание. Ничего. Ничего не будет. Ни хорошего, ни плохого. Хуже, чем было все эти годы, наполненные страхом и отвращением к родному брату, уже не будет. А лучше... Лучше я уже, наверное, сама не смогу принять. Я не умею быть счастливой. Не научилась.

Поэтому в день своего рождения, когда мне исполнилось тридцать восемь, я окончательно, без истерик и прочих глупостей, честно приняла это: я несчастный человек. Одно большое сплошное несчастье и одиночество...

– Подожди, а сейчас тебе сколько?

– Сейчас тридцать девять, через десять дней сорок будет. Говорю же, это подарок мне... –

Лена засмеялась и еще плотнее укуталась в свой халат.

– Но как так-то? Это же получается, только один год прошел!

– Да, зато какой! Я после того дня рождения на следующий день отвезла маму в больницу, а сама вернулась домой. И вдруг звонок в дверь. Открываю – Пашка, одноклассник мой. Говорит, пойдём со мной, у ребят с нашей школы вечеринка. Я, конечно, в отказ, слушать весь вечер про чужих детей, жен и мужей в моем положении не самое приятное занятие. Даже близкие уже не церемонились, мол, Ленка, ты бы почаще в кафе и спортзалы ходила, там, говорят, мужики бывают. Будто я их вообще спрашивала... А уж все эти школьные товарищи вообще без тормозов: «А чего не клеится?», «А хочешь, мы тебя с нашим программистом познакомим? Хороший парень, неженатый» – и прочая муть. Легче придушить кого-то, чем выслушивать это целый вечер. Это знаешь, как больно, – видеть в их глазах немой вопрос: «Что с ней не так?» Потому что знала, правы они. Все со мной не так. Бывает, люди рождаются с плохим зрением или больным сердцем. А я родилась с такой патологией – неумение быть счастливой. Поэтому Паше сказала оставить меня в покое, никуда я не пойду. А он ни в какую. Уговаривал час, наверное. И я согласилась, достал уже просто. Что-то напялила на себя, и пошли.

Приходим – сидят все наши. Хорошие они ребята, конечно, вино, гитара, все дела. Девчонки какие-то молодые, чьи-то любовницы или жены – я не разобралась. И был там Саша, тоже с нашей параллели, мы даже когда-то встречались, правда недолго, даже до поцелуев дело не дошло. Он все рассказывал мне о своих трех дочках, о жене, о брате. Брата его, говорит, я должна была помнить, он на год нас младше и в школу нашу ходил. Я кивала, хотя на самом деле в упор не помнила, что там за брат у него был. А он куда-то вышел, а спустя время звонок раздался. Он вскочил, говорит, сейчас ты точно брата моего вспомнишь, и побежал дверь открывать. Они зашли в комнату – и я правда вспомнила. Он был не просто младше нас, он был невысокого роста, поэтому как-то совсем уж не выделялся на фоне других школьников. Но помню, как он хмурился, когда мы встречали его на улице, и как нехотя звал Сашку к телефону, когда я звонила. Еще помню, что однажды мы шли по улице навстречу друг другу, а он так пристально смотрел на меня. Долгим взглядом таким, я даже обернулась потом, а он стоял и смотрел мне вслед.

И тут он заходит. Представился – Леша. Плюс двадцать лет пошли ему на пользу. Он стал выше, статнее, серьезнее. Глаза все те же – внимательные. Взгляд долгий и, знаешь вот, какой-то глубокий. Будто он пытается прочесть, что у тебя внутри. Что неинтересно ему на поверхности разглядывать, а хочется все твои секреты знать.

Я взгляд его не выдержала, глаза отвела, но потом целый вечер мы, как школьники, переглядывались. Он – с интересом, подкалывая меня, а я – то краснея, то бледнея. А когда собралась домой, он тут же встал и предложил проводить. И вот шли мы, лето как раз заканчивалось, днем было жарко, а вечером прохладно, я даже замерзла. Он посреди улицы меня остановил, обнял, и так мы молча стояли долго-долго. Потом целовались, он меня так к себе прижимал, что меня в жар бросало. Не знаю, что это было. Говорят, есть любовь с первого взгляда, может, это, конечно, и она, но мне другое объяснение на ум приходит. Мне с ним так спокойно было, как, наверное, никогда в жизни. И еще я перестала ощущать эту изматывающую тоску в душе, что я одна, одинока, что никому до меня нет дела. Вот с ним все было по-другому. Знаешь, как будто у меня всю жизнь внутри так болело, потому что и тело и душа знали, что мне для счастья нужен он рядом. Поэтому меня эта боль не оставляла, просто дышать мне не давала, чтобы я не сбилась с пути, не потеряла цель. Ведь могла бы за кого-то там замуж выйти и даже

попытаться жить по-человечески, но это было бы не то. А когда дождалась, меня просто как током ударило, вот для чего все это было. И вот на следующий день... Слышишь? Звук слышишь? Везут, что ли?

На секунду обе девушки застыли, перестали дышать, обратив все свои чувства в слух, боясь пропустить самый крошечный шорох.

– Точно! Везут!

Обе тут же бросились убирать свои кровати, застилая их свежими пододеяльниками, расправляя каждую складочку на постельном белье. Сбросили халаты, чтобы потом не тратить ни одной драгоценной секунды. В суете забегали по палате, убирая волосы в хвостик, чтобы не мешались, проверяя, на месте ли вещи. Звук в коридоре стал заметнее, теперь уже гремело так, будто там началась стройка и везут арматуру. Когда звук с конца коридора стал приближаться к их палате, не выдержали привычного стука в дверь с криком «Кормление!», выскочили. И тут же застыли в волнительном предвкушении. Еще через мгновение металлическая каталка, что гремела, как бидоны на молокозаводе, подкатила к их палате.

– Ну, разбирайте, – усмехнулась медсестра.

Они обе быстро проскользили взглядом по одинаковым кулечкам, с головы до ног накрепко замотанных в тугие пеленки, оставляя на свободе только крохотные сморщенные личики, все красные от голода и крика, с губками, чмокающими что-то понятное только им.

– Это мой! Я его по бровям узнаю! – воскликнула соседка, схватила кулек и побежала в палату.

– А это – моя, – прошептала Лена, нежно и аккуратно поднимая сверток, внутри которого крепко спала ее дочка. – Иди ко мне, малышка. Сегодня мы переночуем здесь последнюю ночь, а завтра поедем домой, к папе. Он сегодня приходил, но его опять в палату не пустили. Велел целовать нашу принцессу везде, где только достану, поэтому подставляй свой носик, крошка, папу надо слушаться...

Не знаю, как вы, а я обожаю терпкие овощные смузи. В них прекрасно все: и консистенция, и вкус, и польза. Поэтому, едва прочитав рецепт моей читательницы Натальи Самариной, я сразу решила: надо брать. Рецепт у Наташи был легкий и свободный, без указания «сколько вешать в граммах». Но я решила приготовить его лично, чтобы написать четкое количество ингредиентов. И знаете – это было бессмысленно. Видимо, вот эта возможность подстраивать его под себя – как раз один из его важнейших компонентов. Так что пишу, сколько именно продуктов брала я, а вы ориентируйтесь на свой вкус – все равно будет отлично!

Томатный сок

Нам понадобится:

- 2 сочных свежих томата
- ½ красного болгарского перца
- 1 стебель сельдерея
- ½ зубчика чеснока
- зелень (петрушка, кинза, укроп)
- ½ ч. л. соли
- щепотка сахара и черного перца

Все моем, мелко режем, закидываем в блендер и взбиваем. Если, как уточняет автор, у вас все в порядке с нервной системой и есть время, можно эту массу протереть через сито. Мне хватило мощного блендера. И если хочется более жидкой консистенции, добавить воды. Все.

Прекрасно идет вприкуску с жареным на оливковом масле черным хлебом.

Пьем, наслаждаемся и читаем истории дальше!

А на Пасху обычно тепло...

Ксюша хотела замуж.

«Ну и что? – скажете вы. – Это же национальная особенность нашей страны: девочки, девушки, женщины, которые отчаянно хотят выйти замуж». Выйти, выскочить, запрыгнуть на ходу, взять штурмом, хитростью, измором. Главное – быть замужем. Любой ценой.

Да, Ксюша очень хотела замуж, но мечталось ей четко и конкретно: замуж по любви. Поэтому, влюбившись без памяти в семнадцать лет, она не находила себе места. Конечно, девушка верила, что мечты сбываются, но чтобы так быстро! Возлюбленный был ее ровесником, поэтому сразу после школы ушел в армию, а она, как и полагается, писала письма, брызгала их духами, целовала накрашенными губами и терпеливо ждала, коротая вечера под рассказы подруг, свободных от обязательств, зато полностью занятых мимолетными увлечениями.

Готовиться к возвращению жениха Ксюша начала за полгода. Пошла подрабатывать официанткой в ресторан, скопила денег. Похудела, обновила гардероб, практически получила ПМЖ в солярии, отчего ее родная бабушка при встрече с ней выронила из рук кастрюлю с окрошкой, не признав в «обугленной» любимую внучку. Сделала маникюр, педикюр, новую стрижку, пирсинг. И на весь остаток своих накоплений сняла на выходные номер в самой дорогой гостинице города.

Он вышел с поезда похудевший, возмужавший, погрубевший. Оглянулся вокруг в поисках друзей, но, увидев только Ксюшу и родителей, откровенно приуныл. Заехали к нему, он наскоро пообедал, переоделся, был немногословен и чересчур резок с абсолютно неготовой к этому Ксюшей.

Ей и самой стало как-то неудобно от своей чрезмерной подготовленности: он в свою очередь не очень-то уж и пытался ее впечатлить. Ругался матом, смеялся над какими-то непонятными ей шутками, со скучающим видом расспрашивал, долго ли они пробудут в гостинице, а то его ждут друзья и, мол, перед ними неудобно.

В гостинице природа взяла свое, они не вылезали из постели, разве что перекусить и прыгнуть обратно. Но прошли выходные, и то, с какой скоростью он оделся и испарился, сухо чмокнув ее в щеку на прощание, показалось Ксюше нехорошим знаком.

Так и вышло. Ее возлюбленный пропал, объявившись только через неделю, по телефону сообщив, что хоть и благодарен ей за ожидание, но это был ее выбор, а он ей ничего не обещал. И что они друг другу не подходят, поэтому она, конечно, может ему звонить, если нужна будет помощь, но в целом он желает ей удачи и всего хорошего. Это даже сквозь мощные диоптрии розовых очков, что целых два года не снимала Ксюша, выглядело тем, чем и было на самом деле: свадьбы не будет.

Плакала целый месяц. По классике: вместе с Бриджит Джонс на диване и с чипсами, или в компании подруг, напиваясь и норовя позвонить и сказать ему все, что думает. Но вот наконец здравый смысл взял верх над эмоциями: пока она ждала и проливала слезы, подружки, те самые, что без обязательств, успели найти парней и начали друг за другом выходить замуж.

Ксюша вытерла слезы, нарастила волосы, пошла учиться, чтобы однажды, стоя в ветреную погоду на остановке, осознать: все это было неспроста. Путь к заветной мечте оказался слегка извилистым, но за терпением всегда идет награда. Вернее, к ней награда не подошла, а подъехала, элегантно вынырнув перед остановившимся автобусом, опустив окно и заманивая ее в теплый салон на зависть всем обитателям остановки.

Она впорхнула на кожаное сидение иномарки, освещая машину изнутри своей молодостью, чего, как выяснилось минутами позже, здесь действительно не хватало. За рулем сидел красивый ухоженный мужчина в дорогом костюме, с парфюмом, в котором отчетливо звучали нотки харизмы, власти и денег, с уверенной улыбкой и хорошо поставленной речью.

Аркадий был старше Ксюши на двадцать лет, и если наедине эта разница почти не ощущалась, то внешне оказалась китайской стеной, разделяющей их. Аркадий был женат, воспитывал двоих детей и, хотя прежней любви и влечения к своей жене не питал, бросить ее в настоящий момент не мог, потому что дети как раз вступили в сложный пубертат и могли не вынести такого стресса. Вот если бы подождать хотя бы пару лет, когда они поступят в институт и заживут своей жизнью, тогда было бы совсем другое дело...

Чтобы скоротать ожидание, Аркадий снял Ксюше квартиру в центре, купил машинку красного цвета, помог сдать на права, устроил к себе в фирму и раз в квартал увозил подальше от суеты, туда, где можно отдохнуть от дел и проблем. Был щедр, тактичен, но самое важное – действительно нуждался в любви и был открыт для нее. Отчего их встречи всегда были желанны и удивительны, полны романтики и нежности. А то, что, уходя, он перепроверял телефон и тщательно стирал их трогательные СМС, было лишь очередным подтверждением, что человек он глубоко порядочный, не желающий раньше времени обижать супругу.

Так, от поездки к поездке, от сережек к новой сумке, от поступления одного ребенка в институт до выпускных экзаменов второго, Ксюша ждала, когда прекрасный человек Аркадий наконец освободится от груза ответственности и создаст новую семью – но теперь уже с верной, любящей и все понимающей Ксюшей.

Обмыв второй диплом шампанским, она сидела и слушала, как важно быть опорой детям, когда они только ищут свой путь в жизни (в самом деле, не выгонять же их из дома, если сами не уходят), Ксюша вдруг неожиданно поняла, что в прекрасном человеке вполне может уживаться субличность козла, который, несмотря на всю свою щедрость, отнял у нее самое дорогое – время. Время, за которое она бы уже сто раз вышла замуж.

На следующий день она оставила ключи от квартиры на столе, загрузила икеевские сумки с вещами в багажник красной машинки и уехала к родителям. Подруги тем временем уже успели родить детей, развестись и еще раз выйти замуж. А Ксюша вырезала из журнала новую картинку со свадебным платьем – она понимала, что прежний фасон невинной невесты в ее возрасте смотрелся бы уже неприлично.

Привыкшая к красивой и беззаботной жизни, Ксюша вдруг оказалась в сомнительном положении: с фиктивным образованием и опытом работы, без понимания, куда двигаться и чем заниматься дальше, но самое главное – с таким отчаянием в глазах, что мужчины сбегали уже на третьем свидании.

Время поджимало, замуж хотелось нестерпимо, и водить хороводы ей было некогда. Теперь практически в каждом встречном она старалась разглядеть своего суженого, и, надо признать, ей это удавалось. Она четкими отработанными приемами быстро выясняла, свободен ли избранник, и, если жертва оказывалась подходящей, тут же начинала охоту. Говорила о том, как мечтала встретить именно такого, мужественного, надежного, с которым как за каменной стеной. Вздыхала, что хочет деток и готова родить прямо сейчас много милых малышей, похожих на него. Параллельно искала возможность заманить жертву в ловушку, то есть на ужин, где демонстрировала выдающиеся навыки хозяйки. Потом делала контрольный выстрел – уводила в спальню, держа в голове известную формулу про «хозяйку на кухне и падшую женщину в постели».

И хотя презентация была безупречная, а чувства – искренние, мужчин как ветром сдувало. И каждый раз Ксюша оплакивала свою любовь и мечты о счастливом замужестве. Этот пазл упорно не складывался в ее голове: что в ней не так? Она готова была положить все во благо будущей семьи. Она стала бы прекрасной женой и мамой, она умела поддержать, не истерила, была ухожена, терпелива и мудра. Почему они все бежали не оборачиваясь, она не понимала, ровно как и тот факт, что бежали явно к худшим вариантам. Взбалмошным, ревнивым, тем, кто ноги о них вытирал, бежали, аж спотыкаясь, оставляя за спиной ее – нежную, любящую и чуткую.

Шли годы. За это время было несколько неплохих попыток, где отношения продержались пару-тройку месяцев. Однажды ее даже познакомили с родителями, где она выложились по полной, моментально очаровав папу и подружившись с мамой. Но все оказалось впустую. Мужчины в короткие сроки портились, как продукты без холодильника, начинали грубить, гулять, сбрасывать звонки, а потом и вовсе исчезали. И каждый такой побег забирал у Ксюши что-то важное, бесценное, какой-то невосполнимый ресурс. Отчего Ксюша, внешне по-прежнему эффектная и ухоженная, внутри чувствовала себя сухой и безжизненной.

Что это был за ресурс, она не знала. «Может быть, любовь?» – думала. А раз любовь испаряется вместе с каждым беглецом, а новая созреть не успевает, то это и создает внутри такое фатальное одиночество. И одиночество, в отличие от любви, очевидно имело свои притоки и истоки. Оно все расплзлось, забивало поры, прорубало морщинки, но главное – блокировало нервные окончания и отделы мозга, те самые, которые отвечали за чувства. Иначе как еще объяснить, что теперь уже даже сама Ксюша не верила во влюбленность, которую так запросто выдавала каждый раз. Впервые в жизни она усомнилась: а любила ли она хоть раз по настоящему или все это были лишь способы получить желаемое?

В таком душевном раздрае Ксюша встретила Керима – молчаливого, задумчивого мужчину с ближайшего зарубежья. Он был одинок, так же, как и Ксюша, мечтал о большой семье, был решителен, при этом сразу в постель не тащил и вообще вел себя достойно сына Аллаха.

Но и Ксюша, как ветеран любовных войн, тоже не торопилась. Если – дай бог! – будут серьезные основания искать свадебное платье в национальном стиле, с прикрытой головой, то тогда она сдаст оборону крепости, а пока готовилась либо к длительной осаде, либо к полной капитуляции.

Они много гуляли, ходили в кино и ужинать, мечтали о совместном будущем. Керим признался, что семья не одобряет его выбор, предпочитая для единственного сына жену своей национальности. Но это даже добавляло некой романтики: Ксюше казалось, что это финальное

испытание в ее жизни и, одержи она победу сейчас, призового фонда хватит надолго. Поэтому терпеливо ждала, когда наконец он отважится представить ее родителям.

Ксюша поставила на кон все, что было: остатки надежды, которые робко цеплялись за его национальные черты, заставляя верить, что он не такой, как все остальные, что уважение к семье у него в крови, что если он решится на их союз, то пойдет до конца. Она готова была разделить его веру, войти в его сложно скроенную патриархальную семью, взвалить на себя груз чужих традиций – все ради цели ее жизни, которая была на этот раз всего в нескольких шагах.

На семейном празднике за большим столом собралась семья. Ксюша в продуманном до мелочей скромном наряде готовилась предстать перед будущими родственниками идеальной невесткой – скромной и воспитанной. Она только было подняла глаза, чтобы приветствовать родителей Керима, как вдруг наткнулась на такое очевидное презрение, что уже сама обрадовалась, когда ее отсадили куда-то на край стола. Только тогда она поняла, что списали ее в тот же момент, когда сын рассказал о русской избраннице, а на это знакомство согласились с одной целью: чтобы он сам понял, насколько она ему не пара. И действительно, в углу большой, но душной комнаты, наполненной людьми, которые говорили на чужом языке, она выглядела не то что белой вороной – зеленой мышью. Не имея возможности вставить в беседу ни слова, то и дело оглядываясь по сторонам, пытаясь понять, как они едят свои странные национальные блюда, Ксюша вдруг поймала его взгляд. Он смотрел холодно и безразлично – будто и не было вовсе долгих месяцев сближения и клятв в любви.

С праздника Ксюша бежала так, будто вся его родня хотела догнать ее. Но не от них бежала – от себя. От собственной беспросветной тоски, от правды, на которую уже не могла клеить стикеры с сердечками. Ей не просто не везло, тут дело было в другом: что-то внутри явно было сбито, какой-то важный радар, который показывал направление к счастью. Он словно размагнитился за эти годы мучительной охоты за мечтой, дал такого крена, что теперь вон куда занесло. А что было важным на самом деле, она не знала. Так же, как теперь, не знала, что такое любовь и способна ли она на нее.

Дома накрыло, и спустя пару месяцев стало понятно, что это серьезно. Не помогали подружки, злили родители, достала работа, даже Бриджит Джонс невыносимо бесила. Она вставала по утрам, умывалась, завтракала, а внутри было мутное ощущение, что сон только начался и это все не по-настоящему. Что ей не тридцать пять, что она не глушит боль алкоголем и снотворными, что мир вокруг не точит ножи. Ей хотелось проснуться, она щипала себе запястья до кровавых синяков, свешивалась через подоконник окон, чтобы вздохнуть как можно больше воздуха, но ничего не помогало.

Она забросила салоны красоты, состригла наращенные волосы, достала пирсинг и перестала краситься. А боль внутри только набирала обороты, да так, что порою хотелось в это самое окно головой вниз. И весна за окном как будто только подыгрывала – шли такие дожди, будто сам Бог заказал ей отпевание и велел оплакивать что есть сил.

Так, впервые за долгие годы, в холоде и серости, без молоденькой зелени, наступила Пасха. Мама вздыхала, глядя в окно: «Как же так, на Пасху же обычно тепло». Она с трудом уговорила Ксюшу дойти до церкви, постоять на службе, обещая уйти сразу же, как только Ксюша захочет.

Что-то надев на себя, она вышла из дома. Постояла под дождем, промокнув насквозь, и, только пожалев замерзшую мать, пошла за ней. Внутри церкви было тепло, пахло воском и ладаном и казалось, что поют ангелы – местный хор был откровенно хорош. Ксюша заслушалась. А пришла в себя, когда мама тронула за локоть: вздрогнула, оглянулась, поняла, что большинство прихожан разошлись.

– Не знаешь, сегодня еще исповедуют? – вдруг спросила маму, которая от неожиданности засуетилась, побежала узнавать.

Они были не особо верующими, в церковь ходили только пару раз в год по большим праздникам и местные порядки не знали. Но мама быстро вернулась:

– Батюшка сказал, что исповеди и причастия закончились, но если дело важное, в порядке исключения может поговорить.

– Важное. Жди меня здесь.

Ксения заново повязала платок, убрав выбившиеся пряди волос, и подошла к батюшке. У него были добрые глаза, и ей это показалось достаточным основанием довериться. Она честно призналась, что исповедуеться впервые, он также честно ответил, что это, конечно, все неправильно, не по порядку, но раз такое дело, готов ее исповедовать.

И Ксюша начала рассказывать. По церковным меркам это было все криво и нескладно, но она говорила без остановки, сначала стесняясь и пряча глаза, а потом – с жаром, с такой болью, будто печи размещались не в аду, а внутри нее. За годы скитаний по чужим судьбам она собрала такие мешки обид и разочарований, что, казалось, останови ее сейчас, так точно не выдержит, рассыпется, расколется на части. Она плакала, срывалась на крик, но продолжала рассказывать ему все, в чем давно хотела признаться самой себе. Что в поисках чужой любви она потеряла и любовь к себе. Что ошиблась в самом главном, решив, будто кто-то сделает ее счастливой, отрезая за это от себя кусок за куском. Она говорила без остановки, а он молчал, слушал и смотрел на нее добрыми глазами.

В ту ночь Ксюша снова не спала, но ее бессонница будто сменила наряд. Из черных балахонов переделалась в легкое льняное платье, и мысли, которые мчались за бессонницей в бесконечных вагонах, тоже как-то посвежели и посветлели.

Ксюша стала чаще бывать в церкви: то помогала убирать, то собирала вещи неимущим, то просто заходила поболтать с батюшкой Олегом. В эти частые встречи рассмотрела, что он гораздо моложе, чем показался вначале: из-за бороды и густых бровей наинула ему лишний десяток. Спустя долгие и неформатные исповеди она и сама не заметила, как рассказала ему про всю свою жизнь. Все, что прежде закапывала в самую глубь самой себя, все, что годами не доставала и не проветривала, в эти встречи вырывалось само собой, словно много лет только и ждало этой возможности.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды Олег не сказал, что ему надо уехать. Куда и на сколько не уточнил, а Ксюша и не стала спрашивать. Тот пазл, что годами был разбросан в ее душе, вдруг сам собой сложился. При том тепле и доверии, которое она испытывала к своему другу и наставнику, и даже некоторому влечению к этому спокойному и по-своему красивому мужчине, она больше не срывалась в болото своих привычных страданий. Высушив

его, она вдруг поняла, что почва эта вполне жизнеспособна и при нынешнем уходе больше не нуждается в удобрениях.

Ксюша почувствовала, что больше не одинока. Что у нее есть она сама, вера и гармония, которую обычно люди называют «Богом». Поэтому только пожелала Олегу хорошей поездки и еле коснулась его руки, отчего он тут же поднял свои добрые глаза и улыбнулся ими – так, как умел только он.

Когда через неделю он позвонил, она даже не узнала, кто это. Ведь за все это время они ни разу не разговаривали по телефону, не виделись вне церкви. Сказал, что им надо поговорить, договорились встретиться в сквере у дома. И когда встретились, она этим самым радаром, что все годы крутился, как сумасшедший, вдруг почувствовала: все серьезно.

Он то и дело отводил взгляд, слова давались ему с трудом, но наконец он, с запинками и паузами, смог сказать ей главное. Что до встречи с ней готовился уйти в монахи, что его давно перестала интересовать мирская жизнь и хотелось посвятить себя служению Богу. И что он даже просил благословения настоятеля на уход в монастырь, но настоятель, вопреки надеждам и ожиданиям, сказал, что не видит его монахом, а значит, ждет его другой путь.

– А когда я с тобой познакомился, сразу подумал, что он тебя имел в виду. Ты и есть мой путь. И я ездил в монастырь, но теперь чтобы просить благословения взять тебя в жены. И настоятель, он же мой духовник, едва только меня увидев, сразу сказал: «Ну вот и ты нашел свой путь. Теперь я за тебя спокоен». И благословил.

И как-то совсем по-киношному вдруг раздался звон колоколов с храма неподалеку. «Ну еще бы голуби пролетели, и тогда полный порядок», – улыбнулась Ксюша. А платье на свадьбу выбрала совсем простое, но шло оно ей необыкновенно.

Знаете, какие вопросы я не люблю?

Из категории «А какой у тебя любимый фильм? Книга? Блюдо? Время года?»

Нет, ну серьезно. Разве можно выбрать из мирового кинофонда один-единственный фильм? Ведь под каждый период в жизни и под разное настроение у меня свой любимый фильм.

И так во всем.

Кроме одного.

Если кто-то спросит, какая у меня любимая страна, я знаю, что ответить. Потому что мне там хорошо всегда. Там моя душа как будто бы на месте.

Это Грузия. Иногда мне даже кажется, что, возможно, в прежней жизни я жила именно там. Иначе как еще объяснить, что все мне там понятно и знакомо, что, каждый раз приезжая, я словно возвращаюсь домой, хотя узнала и полюбила ее я, только когда вышла замуж.

С Грузией у меня связано так много хорошего, что всего не перечислишь. Там живет наша семья по линии мужа, там самые теплые люди в мире. Там вино такое, что делаешь глоток и произвольно начинаешь верить, что сам Бог приложил к нему руку. Там горы и море, щедрые фруктовые сады и бесконечные виноградники. Там, конечно, невероятная кухня, ешь

эти острые пряные сациви, чахохбили, аджапсандали, чекмерули, и думаешь об одном: как бы еще съесть, но при этом не лопнуть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.